

M-821

Кн

Москва

727608

5

1958

Неизвестная страница Чехова

К

Огдa-нибудь мастер литературы, идя по следам историков-архивистов, напишет большой роман. Это будет плотно, отражающее замечательную эпоху в жизни старой Москвы — конец семидесятых и начало восьмидесятых годов прошлого века.

Он отойдет от официальных канонов в изображении «матушки» Москвы, внешне благопристойной, патриархально-сонной «большой деревни», всероссийского торжища. Роман его ни в какой мере не будет походить ни на боборыкинский «Китай-город», ни на увековеченное Островским Замоскворечье. Здесь не будет никаких связей и сопоставлений с тишиной воспетых Поленовым «московских двориков».

Архивные фонды жандармского управления и так называемого третьего отделения «собственной его величества кан-

целярии» расскажут о многом, о чем не полагалось в то время ни говорить вслух, ни упоминать в

частной переписке, о чем — конечно уж! — умалчивала подцензурная печать.

Это были годы накопления и пробуждения дремавших до того подспудных общественных сил, и перед автором будущего романа откроются две возможности — показать эту глухую борьбу, дойдя до «низов», до фабричной казармы, до конспиративных явок «Народной воли», либо показать пробуждение общественного самосознания на «легальном» фоне студенческой Москвы, литературной Москвы, театральной Москвы, музыкальной Москвы.

И вот тут, ежели автор предпочтет второй путь, он неминуемо наткнется на колоритные фигуры двух молодых людей, двух братьев-студентов, тесно связанных и с литературным Олимпом тогдашней Москвы, и с журналистским ми-

ром, и с театральной общественностью, и с музыкальными кругами.

Один из братьев — художник, воспитанник «второй Академии художеств» — знаменитого Московского училища живописи, ваяния и зодчества, товарищ Левитана, Коровина, Симова, уже отмечен печатью как представитель подающей надежды «рафаэлевствующей» молодежи. Картины его уже выставляются, он награжден серебряной медалью (знак официального признания!), рисунки его охотно печатает любой журнал, от него ждут многого.

Другой брат — будущий врач — еще только учится на медицинском факультете Московского университета. Впрочем, уже и он в то время сотрудничает в московских и петербургских изданиях, скрывая, правда, свое имя под замысловатыми псевдонимами.

Братьев почти всегда видят вместе — на первом представлении приезжей парижской знаменитости, в партере Большого театра и в камере мирового судьи; в кафешантане «Салон де Варьете» и на ипподроме у кассы тотализатора; в редакции иллюстрированного журнала и в прославленных Сандуновских банях; на шумном веселье Татьянина дня, традиционного праздника московских студентов, и в извозничьем трактире; в гостеприимной обители короля московских репортеров дяди Гиляя и по дороге в Петровский парк или Сокольники.

Жадно впитывают они впечатления пестрой московской жизни. «Извозчики толкаются с конкой, конки с извозчиками. На тротуарах ходить нельзя, ибо давка всесторонняя. Вчера и позавчера я с Николой изъездил всю Москву, и везде такая же суета», — рассказывает один из братьев, и по всему видно, что «всесторонняя давка» и «суета» насколько не утомляют веселых молодых людей, скорее даже доставляют им удовольствие.

Читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет о братьях Чеховых — Антоне и Николае. Да, речь идет именно о них, и наш автор «не прогадает», если героями своего романа изберет именно братьев Чеховых.

Но все это будет... когда-нибудь.

А пока что нам хочется рассказать о том, к каким неожиданным находкам приводит сравнительное изучение творческого наследия великого писателя Антона Павловича Чехова и того, к сожалению, немногочего, что сохранилось после безвременной смерти его брата, художника Николая Чехова.

I

«Извозчики толкаются с конкой, конки с извозчиками», — об этом писал Антон Павлович Чехов в Таганрог старшему брату Александру 25 декабря 1882 года. И тут же он пишет: «Нет

выше наслаждения, как прокатить на извозчике».

А спустя три с небольшим месяца в одном из апрельских номеров «иллюстрированного, литературного, художественного и юмористического» журнала «Зритель» появилась серия рисунков Николая Павловича Чехова под общим заголовком «Московская езда».

Была тут и конка, были и извозчики, и театральная карета, и шарабаны, и вечерний экипаж, и лихач, и знаменитый московский Ванька, и «экипаж для подагриков и ревматиков», и тележка безногого калеки.

Под рисунками были тексты неизвестного автора. Чьи они?

В принадлежности рисунков Николаю Чехову сомневаться не приходилось, она удостоверена собственноручным автографом художника под рисунками. Но кому принадлежат тексты подписей под рисунками, сделанные рукой несомненно наблюдательного, остроумного человека? Притом человека, привыкшего писать так, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно», — рукой мастера словесной миниатюры.

Журнал ничего не сообщает об авторе текстов. Пожелал ли так сам автор, или редакция по каким-либо соображениям сочла излишним назвать его имя, сказать трудно. Тексты остались анонимными. Однако все в них — манера письма, обороты речи, образы, типы, ритм повествования, конструкция фразы, даже пунктуация, эти специфические многоточия, — все невольно заставляло предполагать руку молодого Антоши Чехонте. Наконец по аналогии с другими работами Антона и Николая Чеховых, которые они осуществляли сообща, можно было предполагать, что тексты к рисункам Николая Чехова дал и на этот раз именно Антон Павлович.

Но аналогия еще не есть доказательство. Совместная работа братьев Чеховых известна давно. Установлено, что первым иллюстратором Чехова был его брат Николай. Сохранились воспоминания Марии Дмитриевны Стейгер, в девичестве Дросси, относящиеся к гимназическим годам Чехова. Она рассказывает, что когда молодежь собиралась на вечеринки, то «Николай Чехов рисовал шаржи и карикатуры на присутствующих и общих знакомых, а Антон Чехов писал под ними меткие характеристики».

Это творческое содружество было перенесено из Таганрога в Москву и сохранилось в студенческие годы Чехова и позже. Известно, что в том же журнале «Зритель» двумя годами ранее появления «Московской езды» был помещен монтаж из рисунков с подписями под общим заголовком «Свадебный сезон», построенный по тому же принципу, что и «Московская езда». Это был своеобразный отчет о поездке Антона и Николая Чеховых на родину в Таганрог. Но тогда было

прямо сказано: «Сочинял Антоша Ч. Рисовал Н. Чехов». «Антоша Ч.» — иначе говоря, Антон Чехов. Здесь же, пока что, участие А. П. Чехова было одной лишь догадкой, более или менее обоснованным предположением.

Но в таких делах догадки мало. Надо было догадку превратить в уверенность и доказать прежде всего самому себе, а затем и другим, что я не ошибаюсь.

Ведь тексты «Московской езды», опубликованные три четверти века тому назад в «Зрителе» в виде «подписей» к рисункам Николая Чехова, не только затем никогда не воспроизводились, но вопрос о них вообще не ставился в специальной историографии об Антоне Чехове, что подтвердил мне ряд московских литературоведов-текстологов, в частности проф. С. М. Брейтбург и Е. Н. Коншина.

Разумеется, данный случай выходит за пределы тех обычных текстологических казусов, когда по вновь найденным

Итак, оставалось обратиться к изучению самого текста подписей к рисункам Николая Чехова, чтобы в них найти необходимое подтверждение.

II

Вот эти тексты. Прочтем их вместе, читатель. Попытаемся поглубже вчитаться, вдуматься в эти лаконичные строчки, чтобы в них самих найти разгадку анонима.

Московская езда

Шарабаны и седла. Можно видеть на пути в Петровский парк и Сокольники. Экипажи великолепные, седла тоже, лошади восхитительные, но ездоки ужасно плохи. Ни одного порядочного ездока... Трусь, трусь, трусь...

* * *

Театральная карета. Сооружена в 1223 году и будет сдана в архив не позже 2500 года. Служит инструментом для по-

Шарабаны и седла...

прямым свидетельствам — эпистолярным, документальным, псевдонимным и т. п. — безыменная рукопись приурочивается к определенному автору: здесь исследователю приходится более констатировать, нежели анализировать.

Но никаких «прямых» доказательств извне в виде, скажем, гонорарных листов редакции «Зрителя», либо иных документальных свидетельств со стороны я получить не мог.

Это был именно тот гораздо более сложный случай, когда за отсутствием подобных непосредственных свидетельств приходится устанавливать авторство на основе косвенных доказательств — биографических экскурсов, текстовых сличений, стилистических параллелей и т. п.

кушения на убийство и самоубийство гг. артистов и артисток. В одиночку в ней не ездят, а ездят сотнями, памятуя, что «на людях и смерть красна», что в компании и помирать не страшно. Вмещает в себя пять благородных отцов, 26 инженеру, 32 балерины и душ десять комических старух акимовской комплекции. Проезд бесплатный.

* * *

Сама конка. Сооружена для того, чтобы ежеминутно сходить с рельсов и учинять контузии. Внутри вагона сосуд со свинцовой примочкой — для лечения ушибов, причиняемых ездой. Верхотура стоит три копейки, а нутро пятак. Билеты белые, желтые, красные... Прислуга

Театральная карета...

замечательно вежливая. Дамам говорит «вы» и не бранится, когда покупают у нее билет. Внутри вагонов курить и учинять безобразия (все, кроме чтения Московского листка) не дозволяется.

* * *

«Сердце обливається кров'ю, милий барон, коли поглядиш на цих нещасних страдальців! Посуди, як, должно быть, тяжело им ездить на этих отвратительных извозчиках, на этой безобразной конке! Сколько мук и неудовлетворенных желаний. Бедные! А как тяжело, должно быть, пешком ходить! Поневоле

станешь вольнодумкой, глядя на этих несчастных! Нет, барон, необходимы реформы и немедленные реформы! Нужно, чтобы все эти несчастные могли ездить в таких экипажах! Не знаю, чего это печать молчит!»

* * *

Вечерний экипаж. Наемный. Оборван, измят и обрызган грязью, но всего ведь этого не видно вечером... Нанимается преимущественно отставными джентльменами и кокетками. Предостерегаем неопытных: изображены здесь эти дамы... Не примите за что-либо... Цена 10 руб.

Сама конка...

Ванька...

Ванька... Плует в стороны, губами чмокает, вожжам хлещет. О скорости не хлопчет.

Лихач... Художник забыл вожжи... Надо будет ему выговор сделать... Нынче нельзя без вожжей...

Экипаж для подагриков и ревматиков. Лошадь необыкновенная: не жалеет, что ей не дают овса.

III

Пороемся в памяти.

Одинокая фигура извозчика на козлах. Ванька, плюющий, чмокающий губами, хлещущий вожжам, но не помышляющий о скорости. Необыкновенная лошадь, равнодушная к тому, что ей не дают овса. Конка, ежеминутно сходящая с рельсов («верхотура стоит три копейки, а нутро пятак»). Кондукторы, говорящие «вы» только дамам. Театральная карета, служащая инструментом для покушения на убийство и самоубийство, и т. д. и т. п. Где об этом мы уже читали?

Ну, конечно же, «отравительный» — по выражению спутницы барона — извозчик — это прообраз Даниила Семеновича из замечательного чеховского рассказа «Кухарка женится» (1885). Помните: «В иной день на зелененькую выездишь, а в другой раз так и без гроша ко двору поедешь... Извозчиков, сами знаете, хоть пруд пруди, сено дорогое, а седок пустяковый, норовит все на конке проехаться».

Это — будущий Иона Потапов из бессмертной «Тоски» (1886). Помните: «Извозчик чмокает губами: вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги, и нерешительно двигается с места». И дальше: «Думает он об овсе, сене, о погоде». И еще неоднократно о сене, овсе, с истинно чеховской

любовью и состраданием к животным: «Ну, жуй, жуй... Коли на овсе не выехали, сено есть будем».

А вот строчки, почти дословно повторяющие описание конки в «Московской езде»: «Конно-железная дорога, или попросту называемая конно-лошадиная дорога, состоит из нутра, верхотуры и конно-железных же правил. Нутро стоит пять копеек, верхотура три копейки, конно-железные правила ничего... Правила эти следующие. Не конка для публики, а публика для конки. При входе кондуктора в вагон публика должна приятно улыбаться».

Ведь это «Идеальный экзамен» Антоши Чехонте (журнал «Будильник», 1884)!

И снова та же тема: «Радуйся, что ты не лошадь конно-железки». Подписано «Человеком без селезенки», то есть опять-таки Чеховым («Жизнь прекрасна», 1885, в журнале «Будильник»).

Наконец театральную карету мы находим в «Объявлениях» Антоши Чехонте («Зритель» 1881). Различие лишь в том, что тогда, в 1881 году, карета вмещала только 39 человек («26 балерин, 8 благородных отцов и 5 комических старух»), а к 1883 году число пассажиров перевалило за семьдесят («5 благородных отцов, 26 инженеру, 32 балерины и душ десять комических старух»). Впрочем, лошадям

...И такая «нарета»

и в ту пору жилось не лучше: питались они «соломой и бурьяном» и для скачек были «едва ли годны...»

Можно было бы привести немало других доказательств принадлежности «Московской езды» Антону Павловичу Чехову. Человек, который взял бы на себя труд проследить, как складывались отношения между Чеховым и бульварно-черносоотенной газетенкой «Московский листок», сразу же обратил бы внимание на реплику, в устах Чехова более чем естественную: «Учинять безобразия (все, кроме чтения «Московского листка») не дозволяется».

Можно было бы заняться установлением стилистических параллелей, можно было бы день за днем просмотреть, чем занимались братья Антон и Николай Чеховы в эту зиму 1883 года, для того чтобы получить новые подтверждения авторской принадлежности текстов «Московской езды» Чехову, но и сказанного, думается, достаточно, чтобы признать, что вновь обнаруженное произведение принадлежит именно ему и никому иному...

В одном из своих писем к издателю «Осколков» Лейкину Чехов жалуется, как трудно ему делать подписи к рисункам: «Начнешь выдумывать подпись, а выходит рассказ или ничего не выходит». В другом письме к Ф. Батюшкову он прямо вводит нас в лабораторию своего творчества: «Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

Основываясь на этих высказываниях, можно полагать, что приведенные подписи к рисункам Николая Чехова были своеобразной «записной книжкой» писателя.

И следовательно, найденное неизвестное произведение раннего Чехова важно и интересно для нас и потому, что в какой-то мере вводит нас в «святая святых» великого художника слова.

Н. Подорольский

